

Юрій Лабынцев

УКРАИНСКАЯ ДУХОВНАЯ ПОЭЗИЯ В НАРОДНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКО- РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ*

История распространения и широкого бытования украинских литературных текстов у белорусов и русских насчитывает столетия. Как и все восточные славяне украинцы писали свои произведения на многих языках, но в народной среде распространялись сочинения почти исключительно на украинском языке и его диалектах, а также на всевозможных вариантах церковнославянского языка. Особый интерес представляет полнокровное продолжение этого масштабного явления в границах многомиллионных регионов России и Белоруссии, прежде всего пограничных с Украиной, где подобное межкультурное взаимодействие по сей день остается традиционным. Необходимо заметить, что в последнее время в мировом украиноведении и славяноведении необычайно возрос интерес к проблемам культурного пограничья, без решения которых совершенно невозможно понять важнейшие особенности исторического развития народов, в том числе и украинского, о чем свидетельствуют и работы наиболее известных ныне авторов¹, впрочем, в силу различных обстоятельств практически не использующих архивный и экспедиционный материал².

Начиная с 1970-х гг. группа московских ученых ведет постоянные экспедиционные исследования богатейшей книжно-литературной культуры местного населения, преимущественно белорусского, проживающего на обширных территориях Подляшья, Западного и Восточного Полесья. Это один из интереснейших историко-географических уголков Европы и, может быть, самый архаичный сегодня, а потому и наиболее притягательный для исследователей-гуманитариев всех специальностей регион мировой Славии. Одновременно – это многовековое пространство активного взаимодействия восточнославянских

* Исследование выполнено благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 05-04-18031е)

¹ См., напр.: З. Когут. *Коріння ідентичності: Студії з ранньомодерної та модерної історії України*. Київ, 2004.

² Пример другого рода – не совсем адекватное использование информационно-социологического материала в политологических и историко-политологических исследованиях. См., напр.: *Регіони України. Хроніка та керівники*. Т. 2. Харківська область. Sapporo, 2002 и нашу с Л. Л. Щавинской рецензию на эту японско-украинскую книгу в журнале “Ab Imperio” (2003. № 4. С. 567-571).

и западнославянских культур, прежде всего белорусской, польской, русской, украинской, а на самом севере Подляшья еще и литовской. Подляско-Полесский регион – выдающееся по своему значению культурное пограничье, которое существенно выделяется в масштабах европейского континента³.

Этот континент испещрен тысячами реальных и виртуальных границ, имеющих различную природу, свойства, значение. Наш более чем тридцатилетний опыт их изучения дает право утверждать, что без серьезного накопления верифицированного базового материала какие-либо значимые исследования в данной области невозможны, как нереальны они уже сейчас без использования широкого спектра новых информационных технологий, вплоть до создания соответствующих ГИС и, конечно же, применения различных количественных методов анализа с помощью компьютерного программирования, то есть компьютерного анализа различного уровня. В нашем случае новые информационные технологии и математические методы позволили сгруппировать часть собранного нами материала таким образом, что он составил своего рода базы данных, “живущие”, так сказать, своей собственной жизнью, проявляющие в представленной таким образом совокупности особые свойства, параметры которых могут быть видны только в случае использования нетрадиционных исследовательских техник. Одновременно эти базы дают необычайно много для изучения истории тех или иных языков на этих землях, причем в случае дальнейшего создания полнотекстовых баз, а тем более информационных систем (системы), позволят вести самый широкий лингвистический поиск в автоматическом режиме, не исключая и подготовку специальных словарей.

Проблемы развития и взаимодействия культур трёх восточнославянских народов – белорусского, русского и украинского, весьма мало изученные, а в значительной своей части не только не изученные, но и в полной мере не ставившиеся учёными вовсе, принадлежат ныне к одним из самых злободневных и важных в гуманитарных науках. Политические реалии нашего времени, ход государственного размежевания, образование трёх самостоятельных государств Беларуси, Украины и России, в огромной степени актуализировали эту проблематику. Вместе с тем, нынешнее знание процесса культурного взаимодействия в среде восточнославянских народов, тем более касающееся современности, мало походит даже на беглый схематический набросок. Если же речь вести о культуре не профессиональной, массовой, народной, то в этом случае положение ещё более усугубляется.

³ См, напр., некоторые наши публикации экспедиционных материалов: Ю. А. Лабынцев., Л. Л. Щавинская. *Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г.* Москва, 1999; Они же. *Православная литература белорусов современной Польши: Материалы экспедиционных исследований 1999 г.* Москва, 2000; Они же. *Православная литература Польши (1918–1939 гг.)*. Минск, 2001; Они же. Книга как универсальный маркер социокультурной истории внутриевропейского этнического пограничья // *Научная книга*. 2003. № 3-4 (21-22). С. 93-98; Они же. На крайнем западе Востока. Минск, 2004; Ю. А. Лабынцев. Белорусское литературное многоязычие эпохи позднего барокко: Творчество протоархимандрита Иосифа Петкевича // *Скарына і наш час*. Гомель, 2004. С. 134-137; Он же. Белорусский церковнославянский печатный текст эпохи позднего барокко: “Житие Св. Онуфрия Великого” 1696 г. // *Федоровские чтения 2005*. Москва, 2005. С. 387-402 и другие.

Вместе с тем, исследования судеб тех или иных письменных текстов в истории мировой культуры чаще всего относят к проблематике литературоведческой, реже культурологической. На самом деле почти всегда мы имеем дело с многообразным коммуникационным явлением, проследить действие и развитие которого имеющимися традиционными научными методами более или менее обстоятельно, а, главное, всесторонне, в общем-то не удаётся. Ещё сложнее это сделать в отношении тех вербальных текстов, которые помимо своей письменно фиксированной формы бытования, имеют ещё ряд коммуникационных состояний и форм, отягощённых часто практически не поддающейся учёту вариативностью. Именно такими являются и произведения современной народной поэзии, распространённые на огромном евроазиатском пространстве, изучение богатейшей жизни которых правильнее всего было начать с исследований их фиксации и трансляции в памятниках народной книжной культуры.

Особенно это касается пограничья, одной из главнейших межкультурных контактных зон, к которой ныне в европейской и мировой гуманистике приковывается все большее внимание. Пограничье – исторически сложившееся контактное пространство, в котором те или иные культурные явления, традиции, целые культуры приходят в наиболее тесную и непосредственную взаимосвязь, часто образуя некое новое качество, своего рода сплав, исследование которого даёт необычайно много для осмысления путей и механизмов исторического развития различных социальных сообществ и человечества в целом. Таким пограничьем в полной мере является и белорусско-российско-украинское, находящееся на стыке трёх государств – Беларуси, России и Украины. Территориально оно включает значительную часть Восточного Полесья: Гомельскую область Беларуси, Брянскую область России и Черниговскую область Украины, недавно, кстати, объединённые в еврорегион “Днепр”, согласно заключённым межгосударственным договорам на основе “Европейской конвенции по трансграничному сотрудничеству”, с целью стимулирования всех его форм, в том числе в области культуры, экологии, науки. Уроженец мест, наиболее близких к рубежной линии этого пограничья, экс-президент Украины Леонид Кучма – он родился на севере Черниговской области – в своей книге “Украина – не Россия”, воспринимаемой, безусловно, весьма критично, делает очень верное замечание о том, что “здешнее население пребывало в уникальной равной приближённости ко всем трём восточнославянским народам”⁴. “У нас говорили, – пишет он, – на смешанном украинско-белорусско-русском языке. Причём, на некотором расстоянии от нас к югу и к юго-западу, в направлении Чернигова и Конотопа, начинался уже несомненный украинский язык. Восточное Полесье всегда было историческим стыком. Здесь чересполосно жили и живут украинцы, белорусы, русские староверы и просто русские”⁵.

Наши экспедиции, проходившие в этих местах, были нацелены на сбор произведений народной книжно-литературной культуры, характеризующих прошлое и настоящее белорусского, русского и украинского православных этносов, с целью создания масштабной источниковой базы для проведения фундаменталь-

⁴ Л. Кучма. Украина – не Россия: Возвращение в историю. М., 2004. С. 11.

⁵ Там само. С. 9.

ных исследований и сохранения одной из богатейших частей восточнославянского культурного наследия, до сих пор малоизученной. Собранные в ходе экспедиции материалы, преимущественно разнообразные по своему техническому исполнению копии сотен самых различных памятников народной письменности белорусско-русско-украинского пограничья, создают основу источниковой базы для проведения широкого комплекса теоретических исследований прошлого и настоящего народной литературной культуры белорусов, русских и украинцев. Эти материалы свидетельствуют о существовании общей восточнославянской культурной традиции в зоне многовекового взаимодействия всех трёх этносов; позволяют проследить развитие белорусской, русской и украинской народных литератур на крайних рубежах их географического схождения. Многообразие и многочисленность собранных текстов (от произведений древности до оригинальных сочинений, созданных в наши дни) подтверждают не только наличие достаточно полнокровной жизни народных литератур на этих территориях вплоть до современности, но и их дальнейшее успешное развитие и распространение. в том числе с использованием новейших средств коммуникации, включая электронно-сетевые.

Классифицировать весь этот огромный литературный массив совсем не просто. Его составляют довольно многочисленные литургические памятники, представленные различными вариантами часто одного и того же произведения, но связанного своим происхождением с разными книжными традициями, порой и конфессиональными ориентациями. Ещё более значительна паралитургика, среди которой особо выделяются псалмы и канты, как идущие из веков, так и сочинённые только что, буквально в период работы нашей экспедиции. К числу значительной в количественном отношении и одновременно потаённой литературы принадлежат различные сказания о чудесах, описания необычайных духовных явлений, видений, исцелений, собрания пророчеств и толкований. Очень популярны повсюду жития. Помимо написанных нашими современниками псалм, получивших широкую известность, распространяемых в сотнях, а возможно, и тысячах списков одного и того же произведения, существует довольно значительное число “стихов” и “стишков”, как определяют их сами авторы, являющихся образцами народной лирики, служащих более всего интимному, внутреннему самовыражению, предназначенных для чтения немногими, а потому необычайно интересных для изучения народного мироощущения, порой отношения к отдельным особо значимым мировым или местным событиям, а также многого другого, например, представлений об этничности, ценностных ориентаций, поисков человеком сокровенного и т. д. К “чтению для немногих” относятся и всевозможные паломнические записки и различные дневники, более похожие чаще на местные летописи, порой церковные. Всё ещё встречаются как на отдельных листочках, так и в составе современных рукописных сборников, заговоры, которые иногда, правда очень и очень редко, целиком составляют их. Весьма различны по своему составу и происхождению различные травники, подчас напоминающие настоящие энциклопедии.

Вся эта огромная и весьма разнообразная книжность и литература, распространяется в основном в рукописной форме. Её основные языки – современный русский литературный и местное русское просторечие, сдобренные часто многочисленными диалектными вкраплениями, украинскими и белорусскими; украинский

и белорусский литературные языки, но гораздо чаще их диалектные варианты; книжный церковнославянский язык различных вариаций, порой и стилизация под него. Конкретный вид, жанр, тип, тема и форма литературного произведения суть многоаспектные корреляционные определяющие как для самого автора, так и для его аудитории. Так, например, авторский состав летописцев – в основном местные уроженцы краеведческого склада и как правило весьма пожилого возраста, а вот читательская аудитория их весьма разнообразна и куда более молодая, вплоть до детей школьного возраста. Многие сочинения всё чаще тиражируются с помощью новейших копировальных средств, немало текстов набрано на пишущих машинках, размножено с помощью матричных, струйных и лазерных принтеров. Для некоторых, наверное, будет неожиданностью сообщение об использовании в самое последнее время создателями и трансляторами этой литературы Интернета, причём активность такого процесса нарастает со всё увеличивающейся быстротой.

Псалмы, канты, духовные стихи – особое пространство культурного взаимодействия всех без исключения славянских и большинства европейских народов, задача изучения которого всеобъемлюще никогда даже и не ставилась. Между тем иначе решить подобную проблему невозможно, в том числе и в отношении восточнославянских народов. Вместе с тем, в ненаписанной до сих пор истории восточнославянской народной книжности сведения о современности по сути отсутствуют вовсе. Даже о весьма распространенных повсюду духовных стихах можно встретить буквально взаимоисключающие суждения. Так, известный фольклорист В. Е. Гусев сравнительно недавно писал, что “наблюдения собирателей свидетельствуют о загущении таких жанров, как... духовные стихи...”⁶, а не менее известный лингвист и собиратель духовных стихов С. Е. Никитина тогда же подчеркивала их живучесть⁷. Новейшие собиратели и вовсе отмечают настоящий “расцвет духовного стиха”⁸, многообразие которого по нашему мнению, вполне солидарному с высказываниями С. Е. Никитиной и некоторых других исследователей, не может быть сведено к номинации единого или единственного жанра. Впрочем, В. Е. Гусев признавал, что “жизнь фольклора богаче и разнообразнее, чем это можно представить себе по публикациям”, ибо “не все учтено, не все описано, многое даже не названо”⁹. В той же области духовного стиха, на своеобразном пограничье устной и письменной вербальных форм, можно выделить немало совершенно неизвестных исследователям явлений, изучение которых значительно обогатило бы наше знание о путях развития человеческой культуры вообще. Однако до всего этого еще очень далеко. В то время как современные авторы духовных стихов начинают их публиковать даже в общенациональных изданиях¹⁰, в целом нынешний репертуар духовных стихов остается малоизвестен, вопросы о его фронтальном изучении

⁶ В. Е. Гусев. Жив ли фольклор? // *Живая старина*. 1995. № 2. С. 10.

⁷ См., напр.: С. Е. Никитина. Духовные стихи в современной старообрядческой культуре: место, функции, семантика // *XI medzinárodný zjazd slavistov: Zborník resumé*. Bratislava, 1993. С. 354-355.

⁸ А. А. Самолягина. Духовные стихи в современном бытовании (Воронежская область, 2000 г.) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. Москва, 2001. № 3. С. 224.

⁹ В. Е. Гусев. Жив ли фольклор? // *Живая старина*. 1995. № 2. С. 11.

¹⁰ См., напр.: А. Казак // *Голас Радзімы*. 18 красавіка 2001. С. 5.

вообще не ставятся. Если же применительно к данной проблеме учесть коррелят вариативности тех или иных текстов, задача представляется и вовсе едва ли выполнимой. А ведь успешные исследования в области духовного стиха возможны лишь тогда, когда имеется достаточное количество собранного материала по разным странам, причем не только славянским. Вот почему, при наличии нескольких весьма ценных работ о духовных стихах общего плана¹¹ или базирующихся на этом материале¹² область эта продолжает оставаться малоизученной, что признают и сами наиболее авторитетные её исследователи¹³. Нельзя забывать и о том, что всё это пространство музыкальное, певческое и в этом смысле необычайно пластичное и универсальное, сформировавшееся не вдруг, а в результате долгой эволюции, многовекового развития культуры того или иного народа. Близость происхождения и исторических судеб восточнославянских народов предопределили и необычайно тесную взаимосвязь в данной сфере народного творчества, которое восприняло и включило в свой репертуар и большое число произведений написанных классиками русской, украинской и белорусской литератур, в том числе XIX и XX вв., даже выдающимися профессиональными авторами современности. Мелодия, напев, музыкальное исполнение всех этих сочинений, включая и написанные известными литераторами, всецело народное творчество, которое сформировалось уже очень давно, фактически столетия назад. В данной связи хочется привести слова Г. В. Свиридова, который писал: «Наша музыка – это пение. Это наша национальная природа – русских, украинцев, белорусов...»¹⁴.

Совсем не случайно среди белорусов, русских и украинцев распространено множество произведений, созданных одним из соседних восточнославянских народов, причём все эти сочинения никем не воспринимаются как чужие, чаще и вообще считаются своими, хотя некоторые из них вполне осознанно видятся пришедшими издалека, порой из не очень определённого «далёка», но там живут «наши православные» и потому родные люди. Примером подобного сочинения может быть «Плач Галицкой Руси», встречающийся в современных рукописаниях в районе г. Гомеля в Беларуси.

«Над кордоном стояла,
Били руки ламала:
«Пустите пустите мя вот там,
У Почаев на долину,
Де Пречистая с Сыном,
Пустите пустите мя на Храм.
Там пролью я слез море,
И выплачу все горе,

¹¹ См., напр.: В. А. Бахтина. Духовные стихи славянских народов (сравнительные аспекты поэтики сюжетов и жанров) // *Славянские литературы, культура и фольклор славянских народов. XII Международный съезд славистов (Краков, 1998). Доклады российской делегации.* Москва, 1998. С. 465-481.

¹² См., напр.: С. Е. Никитина. *Устная народная культура и языковое сознание.* Москва, 1993.

¹³ С. Е. Никитина. Старообрядчество Восточного Полесья: некоторые проблемы сопоставительного описания устной культуры // *Старообрядчество как историко-культурный феномен. Материалы Международной научно-практической конференции 27–28 февраля 2003 г.* Гомель, 2003. С. 215-222.

¹⁴ Цит. по: Русская дума Георгия Свиридова // *Московский журнал.* 1998. № 1. С. 11.

И всю нужду забуду мою;
И голову положу,
У стоп Матери Божой,
Народа рускаго и краю.
И над стопку схилюся,
И водицы напьюся,
Где стояла Пречиста с Христом,
И залечу боль-муку,
И забуду разлуку,
И вернуса спасена потом”.
Но даремно так просит,
Руки ломит, голосит –
Жандарм там на страже стоит:
Он жалости не мае,
О плач Руси не дбае,
Чужа боль его не болит.
А вдовице рыдае,
И с разлуки вмлевае,
Очи взносит горе к небесам;
А на небе лунае
И во звездах сияе
Почаевской Владычице Храм.
И из Храма Пречиста,
Выглядае не Вита,
И ручку протягае к ней,
Святу слезу роняе,
Гоит сердце, вкривае,
Покровом одежды Своей:
Не плач бидна вдовица.
Не попадай в журицю –
Не вольно идти вам до нас,
Но прииде та година,
И прииду Я и с Сыном,
С благодатью и раем до вас!
Он положе Рученьку,
Вам на рану к серденьку,
Я водицы живицы налью
И загоит целюща.
Жаль отечно пекущий,
Жаль ваш и рускаго того краю!”
О, Пречистая Дево Мати,
Рускаго Краю!
Нам боронят оглядати
Икону Твою:
А боронят за – для того,
Що ты Мати, Мати Бога
Рускаго Краю”.

Не в меньшей степени произведения украинской духовной поэзии, включая и весьма старинные колядки, распространены и на Брянщине, особенно на её юге и юго-западе, причем в силу различного рода трансформаций они стали достоянием даже части местного старообрядческого населения.

В заключение приведем запись известной, повсеместно распространенной на Брянщине и Гомельщине псалмы “Святая неделя”. Запись сделана нами на

российско-белорусском пограничье во время экспедиции 2005 г. Это типичный пример современного бытования украинского стихотворного текста в иноязычной восточнославянской народной среде.

“Почитайте Христиане
Святую неделю,
Почитайте поважайте,
Пречистую Деву.
О те тая грешна душа,
Шо в неделю дбала,
она себе злата сребра,
Много назбирала.
Назбирала сребра много,
Щей златягы шаты,
Дай думала грешна душа,
На той свет забрати.
Ой хоть бери хоть не бери,
Оно там не треба,
Только треба одно дело,
Спасение с неба.
Аще солнца не заходя,
Я вже спать лажуся,
К спасению не гатуюсь,
Богу не молюся.
Зазвалили во все звоны,
В неделечку рана,
Забалела галовачка,
Она вже не встала.
Соберите радиначку,
Штоб ля мене стала,
Собралася радиначка
Кругом яе стала.
Собралася радиначка
Кругом яе стала,
А вже тая грешна душа,
Ничего не знала.
Як понесли грешну душу
На гору хавати,
Отреклася грешна душа
Своего дитяти.
Опустили грешну душу
В глыбокую яму,
Засыпали пяском вочи
Вже на свет не гляне.
Засыпали песком вочи,
Щей белья руки,
Да повели грешну душу,
На вечныя муки”.